

Обратиться к славному прошлому

(Мусин А. Е., Носов Е. Н. (ред.). Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Т. I–II. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009)

В 2009 г. увидело свет издание, посвященное истории создания и деятельности Императорской Археологической комиссии. Труд уникальный по полноте содержания и тщательности исследования самых разнообразных источников. Общий объем этой двухтомной монографии превышает 100 печатных листов (89,3 л. в первом томе и 18,75 л. во втором). Первый том содержит статьи по истории создания и деятельности ИАК, второй, названный «Приложением», — перечень открытых листов, выданных комиссией за все годы ее существования.

Ни одна археологическая институция России ранее не удостоивалась столь солидного исследования. Авторский коллектив, насчитывающий около двух десятков человек, провел гигантскую работу, выявив, систематизировав и проанализировав громадный объем источников, нередко уникальных по своему значению и содержанию. Среди них, помимо материалов Научного архива Института истории материальной культуры РАН, можно назвать фонды Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного Эрмитажа, Государственного центра фотографии, Санкт-Петербургского филиала архива РАН, Музея истории Санкт-Петербургского государственного университета, Отдела письменных источников Государственного исторического музея, Керченского историко-археологического заповедника, Национального заповедника Херсонес Таврический. В книгу включены воспоминания потомков членов Императорской Археологической комиссии, встречи и беседы с которыми также легли на плечи авторов. Все это делает рецензируемый труд чрезвычайно фундированным исследованием. Каждое из высказанных авторами заключений подтверждается многочисленными цитатами из первоисточников, часто документы излагаются полностью, что позволяет читателям оценить предлагаемую интерпретацию событий.

Издание снабжено богатым иллюстративным материалом — интереснейшими фотографиями, копиями писем, рисунков, планов и полевых чертежей, существенно дополняющих текстуальную информацию, позволяя максимально полно представить и оценить условия работы наших предшественников, применявшие ими методы раскопок и их результаты.

Практически для всех упомянутых в книге личностей приводятся краткие, но информативные биографические сведения, что придает этому труду черты биобиблиографического издания.

К сожалению, вне внимания авторов оказались материалы архива Бобринских, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, значительная часть которых касается жизни и деятельности последнего главы Императорской Археологической комиссии (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 1–8)¹, и некоторые

¹ В фонде насчитывается 7974 дела.

другие архивные фонды, связанные с деятельностью ИАК. Их материалы позволяют, как мы увидим ниже, дополнить, а в ряде случаев и скорректировать некоторые высказывания авторов исследования, не меняя концептуальных положений, содержащихся в монографии.

По всей видимости, именно несомненными достоинствами этого фундаментального труда можно объяснить отсутствие в литературе последних пяти лет рецензий на него. Публиковать откровенные панегирики не в научных традициях, а явных недостатков в монографии практически нет. Надо думать, исследователи восприняли этот труд как один из главных источников по истории дореволюционной археологии, в силу своей разносторонности предоставляющий информацию практически всем современным археологам, изучающим памятники от каменного века до Средневековья на всей территории современной России и ближнего зарубежья.

Однако и оставить без внимания этот интереснейший труд также невозможно. Помимо проявления искреннего уважения к его создателям, анализ этого издания позволяет не только понять основные этапы становления отечественной археологии, но и причины изменения научных концепций, исследовательских парадигм, методологических подходов, личностных характеристик и позиций ученых в контексте истории России второй половины XIX — начала XX в.

Первый том состоит из 14 глав и библиографических указателей. Его внутренняя структура не подчинена какому-либо единому подходу. Здесь присутствуют разделы, построенные по хронологическому принципу (Глава I «Очерки истории деятельности императорской Археологической комиссии в 1859–1917 гг.»; Глава XIV «Императорская Археологическая комиссия и ее преобразование в 1917–1919 гг.»); географическому, где излагается история изучения обширных регионов (Глава VII «Археологические памятники Сибири в исследованиях императорской Археологической комиссии»; Глава IX «Императорская Археологическая комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья»; Глава X «Императорская Археологическая комиссия и изучение древностей Средней Азии»), сочетающиеся с описанием истории исследования отдельных губерний (Глава VIII «Императорская Археологическая комиссия и археология Пермской губернии»); культурно-историческому, где история исследования исторических эпох (Глава III «Императорская Археологическая комиссия и изучение скифских древностей юга Российской империи»; Глава VI «Императорская Археологическая комиссия и первобытные древности»; Глава XI «Славяно-русские и средневековые древности в исследованиях императорской Археологической комиссии») соседствует с описанием изучения древних государств (Глава II «Императорская Археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского») и отдельных уникальных памятников (Глава IV «Императорская Археологическая комиссия и исследование древней Ольвии»; Глава V «Императорская Археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического»; Глава XIII «Императорская Археологическая комиссия и раскопки в Киеве 1908–1914 гг.»). Хотя нельзя не увидеть в последовательности глав историю эволюции главных целей ИАК от древностей южной России до славяно-русских и средневековых памятников. Отдельная глава (Глава XIII) посвящена деятельности Императорской Археологической комиссии по реставрации и охране памятников культуры.

В первой и наиболее обширной главе излагается история императорской Археологической комиссии. Она открывается обзором немногочисленных работ, посвященных ИАК, которые далеко не исчерпывают все аспекты темы, что, по словам авторов, и побудило их «обратиться к славному прошлому учреждения, которое стояло у истоков археологической науки в России» (с. 23).

Справедливо утверждая, что «создание императорской Археологической комиссии в 1859 г. ознаменовало собой завершение длительного процесса организации системы государственного покровительства только начинающей свое становление археологии» (с. 24), авторы первоначально обращаются к событиям XVI в., видя в них истоки интереса в России к материальным древностям. Достаточно традиционное для отечественной историографии изложение фактов формирования интереса общества и государственной администрации к древним артефактам подводит читателя к событиям 50-х гг. XIX в., когда впервые создаются формальные объединения служащих государственных учреждений, в обязанности которых вменялось выявление, собирание и изучение материальных свидетельств прошлого.

Излагая события 1850-х гг., авторы основываются, в основном, на документах Научного архива ИИМК РАН и, отчасти, на юбилейных изданиях Министерства императорского двора. Но указанные в монографии даты в ряде случаев расходятся со сведениями законодательных актов Российской империи.

Авторы монографии утверждают, что первое упоминание о «чиновниках по археологической части» присутствует в высочайшем повелении от 28 июня 1853 г., когда император указал «все археологические работы считать при Кабинете» (с. 29). Но еще годом ранее, в августе 1852 г., при назначении Л. А. Перовского главой Министерства уделов и Кабинета ЕИВ, в императорском указе значилось: «министру внутренних дел, действительному статскому советнику графу Перовскому, всемилостивейше повелеваем быть министру уделов и управляющим Кабинетом нашим, подчинив главному его начальству... все археологические в России розыскания» (ПСЗРИ 1856а: 4). В 1853 г. ведомственная принадлежность новой структуры была лишь подтверждена императором (ПСЗРИ 1854: 322). Это же повторилось и в 1855 г. (ПСЗРИ 1856б: 4). В 1856 г. в законодательных документах появляется официальное наименование этой структуры: «Комиссия розыскания древностей» (ПСЗРИ 1857: 1021–1022), которая в результате преобразований в придворном ведомстве стала числиться в составе Министерства императорского двора, как подразделение Кабинета ЕИВ. Именно эта комиссия, хотя с другим персональным составом, и была преобразована в 1859 г. в императорскую Археологическую комиссию, утвержденную временно, в виде опыта, на три года. Указ императора 1859 г. не создавал новое подразделение министерства, а повышал формальный статус ранее существовавшего и законодательно утвержденного ведомства. Если до указа комиссия подчинялась одному из отделов министерства (Кабинету ЕИВ, по указу 1856 г. вошедшему в состав МИДв), то в 1859 г. она становилась отдельным подразделением министерства с подчинением непосредственно министру двора. Как было сказано в императорском указе «археологическая комиссия состоит *отдельным учреждением* (выделено мной. — А. С.) в Министерстве императорского двора» (ПСЗРИ 1859: 70). Одновременно с изменением статуса были официально утверждены права и задачи комиссии. В 1862 г.

деятельность комиссии была продлена еще на три года «на прежнем основании» (ПСЗРИ 1865: 125–126) и лишь позднее ИАК приобрела права постоянно-го учреждения.

Подобное видение процесса создания императорской Археологической комиссии позволяет думать, что 1859 г. можно считать лишь условной датой основания ИАК. Это подтверждают и сами авторы, указывая, что В. Г. Тизенгаузен вел отсчет деятельности ИАК с 1835 г., т. е. со времен деятельности «чиновников по археологической части» при МВД и Кабинете ЕИВ (с. 104).

История императорской Археологической комиссии изложена авторами монографии весьма подробно, с многочисленными деталями и заключениями как общеисторического плана, так и касающимися характера отдельных личностей и их взаимоотношений, без чего невозможно до конца понять причины и последствия тех или иных событий. Хотелось бы остановиться лишь на некоторых моментах, которые мы считаем возможным дополнить либо высказать свое мнение по отдельным событиям.

Прежде всего, следует обратить внимание на личности председателей комиссии. Представляется, что авторы, отдавая должное заслугам С. Г. Строганова в деле становления ИАК, могли бы более акцентировать внимание читателей на том факте, что именно им заложены *все* принципиальные положения деятельности комиссии, как в вопросах организации археологических исследований, так и в вопросах охраны памятников. А. А. Васильчиков и А. А. Бобринский лишь развивали утвержденные С. Г. Строгановым принципы работы ИАК. Причем большая часть организационных усилий двух последних председателей свелась к внутренним реформам возглавляемого им учреждения. Хотя приуменьшить заслугу А. А. Бобринского в утверждении формального главенства ИАК в деле организации системы открытых листов невозможно.

И второе. Как это ни покажется парадоксальным, в «эпоху С. Г. Строганова» ИАК более уделяла внимания именно археологическим древностям в современном понимании, что, хотя и вскользь, отмечено авторами (с. 88). Во времена же А. А. Бобринского резко возросло внимание членов комиссии к проблемам реставрации архитектурных памятников, что расплыло их и без того ограниченные силы. Особенно ярко это проявилось в деятельности по охране памятников². Это кажется особенно парадоксальным на фоне стремительного утверждения в те годы новых концептуальных положений археологической науки, ставших основой современных представлений о целях и задачах этой дисциплины. Объяснения этому могут быть различны. Среди них — отсутствие специального органа по охране архитектурного наследия, стремление ИАК сосредоточить в своих руках руководство всеми древностями государства на фоне сложных отношений комиссии с Академией художеств, повышенное внимание власти, проповедовавшей постулаты «народного самодержавия», к церковным древностям и многое другое. В последнем случае показательны записи А. А. Бобринского, который в начале XX в. пытался, путем рассуждений и лингвистических штудий, соотнести с научными данными библейскую концепцию «сотворения мира» (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVII. Отд. 1. № 37952. СПб., 1865).

² Показательно, что в заглавии главы XIII вопросы реставрации вынесены на первое место: «Императорская археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры».

И это при том, что граф еще в конце 1860-х гг. подробно конспектировал труды по геологии, включая «динамическую геологию» и кристаллографию (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 309. Л. 1–47). Он продолжил подобные конспекты и в начале XX в., изучая историю оледенений, труды Г. Мортилье по палеолиту (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 163. Л. 3–56; Д. 164. Л. 1–82). Недаром его избрали вице-президентом международного конгресса доисторической археологии в Париже (1900 г.). В этой двойственности мировоззрения А. А. Бобринского можно увидеть стремление совместить науку с идеологическими доминантами эпохи.

Концепция деятельности ИАК, заложенная С. Г. Строгановым, прослеживается во все годы существования комиссии, выражаясь даже в личных позициях ее председателей, которые были ярко выраженными государственниками и, более того, откровенными сторонниками самодержавного принципа правления. Известно, что С. Г. Строганов негативно воспринимал реформы Александра II, возглавляя в его окружении наиболее консервативное крыло. Точка зрения авторов, что сокращение активности ИАК после 1 марта 1881 г. объясняется, помимо болезни С. Г. Строганова, его озабоченностью проблемами монархии, совершенно справедлива. Именно в эти дни при участии графа создается «тайная» промонархическая «священная дружина», ставившая целью охрану особы императора. Крайне монархическая, в ряде случаев даже «черносотенная» позиция А. А. Бобринского — также не секрет. Организационная деятельность этих двух высокопоставленных чиновников империи проявилась в стремлении поставить под контроль комиссии как государственного органа деятельность научных обществ в империи. Авторы монографии указывают, что С. Г. Строганов в проекте А. С. Уварова об археологических съездах, в котором предлагалось «допустить» научные общества к их работе, менял это слово на альтернативное — «пригласить» (с. 86). Как известно, А. А. Бобринский, во многом справедливо критикуя деятельность археологических съездов, предлагал их поставить под непосредственное руководство Министерства народного просвещения. К 1890-м гг. посредством Министерства внутренних дел ему удалось добиться, что Министерство народного просвещения стало согласовывать с комиссией документы по организации съездов (РГИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 357. Л. 27). В своем последнем проекте реорганизации Археологической комиссии А. А. Бобринский предлагал делегировать ей права на «участие в съездах и конгрессах по археологии и принятие на себя инициативы в созвании таких съездов» (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 163. Л. 61).

Говоря о расширении географии интересов ИАК, авторы во многом относят это на счет личных заслуг А. А. Бобринского, привлечшего к работе комиссии новых членов, в первую очередь А. А. Спицына. Подобные аргументы вполне справедливы. Но представляется, что это явление имеет более глубокие корни. Начиная с 1880-х гг. происходят принципиальные изменения в геополитике империи. Заканчивается эпоха расширения границ государства и начинается этап активного освоения как вновь приобретенных земель, так и исторического ядра империи. Причем не только в хозяйственно-административном смысле, но и в плане понимания их роли в процессе сложения державы. В общественном сознании и государственных программах постоянно присутствовала тема «центральной России» как исторического ядра государства. Активизируются и провинциальные научные силы, обращая свое внимание на изучение древней и древнейшей

истории «малой родины». Недаром этот период отмечен появлением многочисленных архивных комиссий, провинциальных исторических, археологических и краеведческих обществ (Смирнов 2011: 380–381). В этот процесс органично вписываются действия главы и членов ИАК по расширению круга исследуемых памятников за счет древностей внутренних земель империи.

Внимание к древностям «центральной России» в эти годы также питалось общеевропейской исторической парадигмой, направлявшей интересы историков на изучение национальных особенностей собственного государства.

Следует коснуться деятельности ИАК по участию в создании Русского археологического института в Константинополе. Авторы монографии, следуя традиционной концепции, приписывают инициативу его создания государственным структурам — Министерству народного просвещения и российскому посольству в Турции (с. 203). Но, как следует из материалов Архива внешней политики Российской империи, первоначальная инициатива принадлежит российскому ученому. Имеется в виду письмо А. В. Прахова с проектом создания в Константинополе археологической академии, поданное им в 1881 г. российскому послу при Сиятельной Порте Е. П. Новикову (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 571/2. Д. 4757. Л. 1–2). Именно это письмо, обнаруженное в 1887 г. послом Н. А. Нелидовым в архиве посольства, подвигнуло его реанимировать предложение ученого (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 571/2. Д. 4757. Л. 9 об. — 10), что и привело, в дальнейшем, к учреждению РАИК.

В монографии уделено внимание наиболее сложному и драматическому периоду в истории Археологической комиссии — 1917–1919 гг. (глава XIV). Авторы и в этом случае подробно изложили перипетии событий первых послереволюционных лет. Хотелось бы добавить лишь несколько фактов, связанных с деятельностью А. А. Бобринского, который всячески старался сохранить свое любимое детище при новой власти. Об этом свидетельствует его письмо к председателю Совета министров Временного правительства князю Г. Е. Львову, в котором граф пишет: «Важно только одно — избежать, поскольку возможно, всяких сотрясений в правильно налаженной, путем больших усилий, деятельности Археологической комиссии... работа в ней идет успешно и было бы крайне жаль приостанавливать это маленькое, но правильно действующее государственное колесо». А. А. Бобринский не оставлял своими заботами и сотрудников комиссии, для которых «существенно важно знать, что материальное положение их и их семейств обеспечивается новым правительством» (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 23, 24 об., 26 об.). Эта проблема заботила его вплоть до окончательного отъезда из Петербурга, что подтверждается удостоверением А. А. Бобринского за подписью А. А. Спицына «в том, что он делегирован от служащих комиссии в заседание Петербургского отделения Народного комиссариата имуществ республики по установлению окончательных норм ставок в учреждениях комиссариата, имеющее быть в четверг, 4-го сего июля» [1918 г.] (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 17).

А. А. Бобринский в первой половине 1918 г., несмотря на множество личных проблем, усиленно занимался вопросами реформирования комиссии. В его бумагах есть черновой вариант проекта нового положения о комиссии с предложениями по расширению штатов и прав этого учреждения (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 163. Л. 56–68). По всей видимости, эти соображения и легли в основу

так и не принятого «Положения о Российской археологической комиссии», о которой упоминают авторы монографии (с. 1067). В своем проекте А. А. Бобринский, помимо уже ставших традиционными предложений о расширении состава комиссии, впервые предлагает новый принцип ее внутренней структуры. Задачи сотрудников комиссии должны были определяться не по территориальному, а по хронологическому и культурному принципу. «Штатный состав комиссии распределяет между... тремя старшими членами различные отрасли занятий по вопросам эпиграфики, археологии первобытной, общей, славянской, классической и восточной» (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 163. Л. 62 об.). Так граф представлял основные направления археологической науки.

А. А. Бобринскому удалось добиться расширения состава комиссии. 11 мая 1918 г. «комиссар по просвещению» А. В. Луначарский обратился к «комиссару имуществ республики по Петроградскому отделению» с поддержкой требования «учредить две новые должности помощников архитектора Археологической комиссии» и «учредить две должности техников... и одну должность архивариуса, а также средства на разъезды архитектора». Благодаря этому распоряжению начальник Петроградского отделения Комиссариата имуществ И. В. Киммель выделил комиссии 3000 руб. (ГАРФ. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 31. Л. 21–21 об.).

Приведенные замечания и уточнения касаются лишь отдельных эпизодов в истории императорской Археологической комиссии, изложенных в монографии, не меняя принципиально фактологическую основу исследования и предложенную авторами интерпретацию событий. С другой стороны, рецензируемая работа, касающаяся столь многих основополагающих для истории российской археологии вопросов, не может не вызвать желания обсудить эти проблемы, предложить собственное видение тех или иных событий.

Авторы монографии справедливо видят истоки идеи об императорской Археологической комиссии в близких по задачам учреждениях Европы, прежде всего Франции. Но в российских условиях принципы французских учреждений претерпели кардинальные изменения.

В монографии отмечается децентрализованная структура французских органов охранения древностей, состоящая из Комиссий древностей провинциальных департаментов и подчинявшаяся первоначально МВД, а затем Службе изящных искусств и исторических памятников в составе Министерства императорского двора и изящных искусств (с. 34–35).

В России, при внешнем сходстве истории вопроса, положение императорской Археологической комиссии было принципиально иным. При учреждении ИАК французский опыт был использован в минимальной степени, исключительно в части подчинения Министерству императорского двора. Комиссия не стала органом, объединяющим провинциальные структуры, хотя к этому были предпосылки. Никакими региональными представительствами комиссия не обладала. Это значительно снизило ее эффективность в области управления историческим наследием государства и вынуждало прибегать к помощи иных ведомств, в первую очередь МВД. Об «эффективности» подобного взаимодействия писалось неоднократно.

Несмотря на стремление авторов быть объективными по отношению к деятельности ИАК и ее членов, что им во многом удалось, следует упомянуть ряд событий, свидетельствующих о пренебрежении комиссией некоторыми

важными предложениями, которые могли бы поднять авторитет не только отечественной археологической науки, но и России в целом. В тексте упоминается только один подобный эпизод — отказ ИАК выделить весьма незначительные средства на раскопки в алтаре Софийского собора в Софии в 1878 г. по окончании русско-турецкой войны (с. 87). Но можно вспомнить об отказе ИАК принять предложение французского археолога Жак Жан Мари де Моргана участвовать в изучении древностей Месопотамии, под предлогом того, что «исследования эти в северной части Персии вряд ли могут дать особенно блестящие результаты» (РГВИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 143. Л. 1).

Позиция императорской Археологической комиссии в этом вопросе кажется особенно непонятной на фоне активности Московского археологического общества, которое пыталось реализовать предложения Ж. М. Моргана, направив обширную записку в Министерство народного просвещения. «Наше русское государство географически связано с передним востоком и та восточная культура, которая была господствующею в древнем мире, географически достигала до нынешних пределов нашего государства. Благодаря исследованиям русских ученых на Кавказе, можно считать документально доказанным, что ассиро-вавилонская культура, та культура, к сфере которой принадлежат памятники, интересующие французскую делегацию в Персии, была в большом распространении и в пределах нашего Закавказья» (ОР РГБ. Ф. 131. Оп. 1. Карт. 36. Д. 18. Л. 1 об.).

Хотя подобную позицию императорской Археологической комиссии во многом можно оправдать постоянным дефицитом научных кадров и финансовых средств, трудно согласиться с пренебрежением ее руководства исследованиями болгарских древностей или мнением о «бесперспективности» раскопок в Месопотамии. И то, и другое уже не соответствовало представлениям мировой науки об исторической значимости этих регионов, не говоря уж о заботе об имидже государства в глазах международного научного сообщества.

Авторы монографии справедливо утверждают о большом вкладе комиссии в развитие отечественной археологии. Достаточно вспомнить структуру издания, в которой рассматриваются практически все направления этой науки с точки зрения заслуг ИАК. В подобном контексте достижения других археологических институций России выглядят вторичными по отношению к заслугам этого придворного учреждения.

По нашему мнению, не стоит абсолютизировать достижения ИАК как в организационном, так и в научном плане. Хотя бы потому, что комиссия была одним из наиболее скромных по своим штатам археологических образований России. Общее число ее официальных членов, вместе с техническими сотрудниками, едва превышало десять человек. Это значительно меньше количества членов, числившихся в составе РАО, ООИДР, МАО.

Заслуга ИАК и лично А. А. Бобринского в утверждении централизованной системы выдачи открытых листов, столь значимой для российской археологии, несомненна и неоспорима. Так же как и стремление главы комиссии распространить подобные правила на частновладельческие земли империи. Значение этих новаций для науки и сохранения археологического наследия переоценить невозможно.

Но насколько результативны были действия ИАК в части непосредственного управления археологическими «розысканиями» в стране? Этот аспект деятельности комиссии, как представляется, нельзя оценивать столь однозначно. Известно, что комиссия отвергала откровенные просьбы о выдаче открытых листов для поиска кладов.

К предложениям провести раскопки «с научной целью» ИАК относилась менее критически. Большая часть из них удовлетворялась, особенно если проситель не претендовал на финансовое вспомоществование. Хотя среди потенциальных «археологов» большая часть не имела непосредственного отношения к науке и ждать реальной научной отдачи от предполагавшихся раскопок было трудно. Потенциальными «раскопщиками» чаще всего двигали не научные интересы, а прозаическое любопытство. А их отчеты нередко не выдерживали никакой критики, если вообще поступали в архив ИАК.

То же можно сказать и о распределении на полевые исследования финансовых средств, имевшихся в распоряжении комиссии. Наиболее статусные археологические проекты (Херсонес, Ольвия, памятники Боспора и причерноморских степей) имели постоянное и весьма серьезное финансирование. Но к финансированию *рядовых* исследований ИАК подходила достаточно формально, выделяя, часто без серьезной оценки значимости и объема предполагаемых работ, по несколько сот рублей. Например, «ревизору движения Риги-Орловской ж/д» С. И. Сергееву на археологические работы «в районе Витебско-Жлобинской железнодорожной ветви», которые заявитель даже не смог внятно сформулировать, выдано 150 руб. (РА НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1, 1902 г. Д. 90. Л. 4, 7). Директору Читинского музея А. К. Кузнецову, имевшему не меньше заслуг перед археологией, на гораздо более обоснованные, масштабные и четко спланированные охранные работы на Маньчжурской железной дороге в Забайкалье, были выделены те же 150 руб. (РА НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1, 1900 г. Д. 55. Л. 1).

Эти факты свидетельствуют о том, что комиссия не смогла сформулировать адекватные ситуации научные приоритеты при оценке заявок на раскопки, поступавших не от членов ИАК. Складывается впечатление, что комиссия пыталась поддержать все возможные пожелания проводить раскопки, если они не носили откровенно кладоискательского характера, что вело к распылению и без того невеликих сумм, имевшихся в ее распоряжении.

Не всегда комиссия выполняла свои функции в области регулирования авторского права на раскопки. Достаточно вспомнить историю с Томским могильником, вызвавшую длительные и ожесточенные споры о приоритете в исследовании памятника между А. В. Адриановым и С. К. Кузнецовым. Не достигнув успеха в решении этого вопроса путем увещевания участников конфликта, А. А. Бобринский, не желая брать на себя ответственность, препоручил вопрос томскому губернатору, обратившись к нему с конфиденциальной просьбой «принять на себя разрешение возникшего недоразумения и, передав дальнейшее ведение раскопки с оставшимися от произведенных работ деньгами, по усмотрению Вашему, тому из них, за которым Вы изволите на то признать большее право» (Смирнов 2013: 96–103). Другими словами, ИАК в лице А. А. Бобринского дистанцировалась от своих непосредственных обязанностей, передав решение узкопрофессионального вопроса местной гражданской администрации, весьма далекой от проблем археологической науки.

Авторы монографии уделили достаточно внимания сложным взаимоотношениям ИАК и МАО, оказавшим негативное влияние на становление системы контроля над археологическими работами и выдачи открытых листов. Можно только подивиться выдержке и такту А. А. Бобринского, который на далеко не дипломатические выпады П. С. Уваровой, о чем ему неоднократно сообщали коллеги (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 423. Л. 3об. — 4; Д. 1787. Л. 8, 11; Д. 1813. Л. боб.), ни разу не позволил себе какую-либо бестактность по отношению к графине. Несмотря на подобные эскапады из Москвы, он вежливо и корректно отвечал на все просьбы графини, делился с ней результатами исследований, не допуская со своей стороны никакого проявления недоброжелательства.

Отношения ИАК и МАО в существующей литературе чаще всего сводятся именно к противостоянию в вопросе о праве выдачи открытых листов и, в меньшей степени, к личным отношениям руководителей этих институций. Представляется, что их перманентное противостояние имеет более глубокие причины.

Императорская Археологическая комиссия по сравнению с МАО — организация высокопрофессиональная с научной точки зрения. В ее составе преобладали члены Академии наук и университетская профессура.

Московское археологическое общество объединяло гораздо более широкий круг любителей древностей. Основную массу членов общества составляли дилетанты, нередко весьма далекие от подлинно научной деятельности. Недаром Археологические съезды, проводившиеся под эгидой МАО, подвергались справедливой критике со стороны Археологической комиссии за отсутствие четко сформулированных целей.

Несмотря на определенный дилетантизм в своей деятельности, МАО удалось стать объединяющим и, во многом, координирующим центром для различных археологических обществ России. Именно Москва помогла многим провинциальным ученым и дилетантам сознать себя членами сообщества, объединенного общими целями и задачами. Недаром П. С. Уварова неоднократно пыталась организовать в Москве структуру, которая бы объединила разрозненные научные и околонучные силы. В 1894 г. она предлагает создать «Союз московских ученых и художественных обществ» (ОР РГБ. Ф. 203. Оп. 1. Карт. 29. Л. 185) в 1898 г. — «учредить в Москве свободную Академию наук» (ОР РГБ. Ф. 10. Оп. 1. Карт. 14. Д. 533–5547. Л. 537). К этой теме она возвращалась и в 1916 г. (ОР РГБ. Ф. 10. Оп. 1. Карт. 14. Д. 533–5547. Л. 540) и даже в 1917 г. (РГАЛИ. Ф.904. Оп. 1. Д. 121. Л. 1).

Императорская Археологическая комиссия была, как представляется, менее озабочена организацией корреспондентской сети на местах. Хотя, казалось бы, с учетом ее общегосударственных задач и малочисленности штатных сотрудников, привлечение провинциальных сил в деле контроля за незаконными раскопками и сохранением древних памятников должно было бы стать одной из приоритетных задач. Но в этом направлении ИАК, как государственное учреждение, предпочитала более опираться на существующий в провинции бюрократический аппарат.

Ряд фактов позволяет предположить, что Археологическая комиссия противилась самой возможности передачи ряда ее надзорных функций на места. Отчасти это оправдывается формально-бюрократическими препонами,

запрещавшими делегирование государственных полномочий общественным структурам. Но в условиях самодержавной монархии, учитывая близкое положение к трону как самой комиссии, так и, в особенности, ее председателей, проблему можно было решить, хотя бы паллиативно. Но ИАК не проявляла в этой направлении необходимой активности.

В 1900 г. директор Читинского музея А. К. Кузнецов обратился в комиссию с предложением о представлении местным ученым обществам права запрещения железнодорожных работ, угрожающих могильникам, курганам и городищам Забайкальского края. А. А. Спицын, который готовил ответ на это письмо, утверждал, что «частные ученые общества не лишены возможности содействовать сохранению памятников древности организацией ближайших наблюдений за ними и путем ходатайств в соответствующие учреждения правительственные» и что «лучшею мерою к сохранению для науки Забайкальских памятников древности, подвергающихся неизбежному уничтожению, надлежит признать их предварительное исследование, которое может быть организовано из местных сил и на небольшие средства» (РА НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1, 1900 г. Д. 55. Л. 1).

Другими словами, А. А. Спицын настаивал, что научные общества и без того обладают достаточными правами в деле сохранения памятников. В результате все действия ИАК по сохранению многочисленных памятников, которые подвергались угрозе разрушения при строительстве Ачинск-Минусинской железной дороги, свелись к выделению на раскопки 150 р. Хотя в этом регионе, помимо Читинского музея, озабоченность сохранением древностей проявлял Красноярский подотдел Русского географического общества и другие местные общественные организации. Но ИАК не посчитала нужным поддержать и, тем более, активизировать их деятельность в деле сохранения памятников.

Отсутствие выраженной научной концепции в действиях ИАК наиболее ярко проявилось в отношении исследований на вновь приобретаемых империей территориях, в первую очередь в Средней Азии. Казалось бы, получив доступ к сокровищам древних цивилизаций Востока, о чем так долго мечтали европейские исследователи, ИАК первая должна была проявить активность в этой области. Примеры Англии, Франции, Германии, активно проводивших ориентологические исследования, должны были способствовать интересу к азиатским землям империи.

Но Археологическая комиссия достаточно прохладно отнеслась к новой для нее сфере деятельности, нередко ограничиваясь лишь финансовой помощью местным исследователям. Это обстоятельство проявилось в противоречивой оценке авторами рецензируемой монографии действий комиссии. Утверждая, что «изучение Средней Азии в деятельности императорской Археологической занимает особое место», несколькими строками ниже они вынуждены признать, что «непосредственные архитектурные и археологические исследования членов ИАК в Средней Азии сравнительно немногочисленны» (с. 783). Следует добавить, что большинство из них были результатами настоятельных просьб местной администрации и подвижников науки, далеких от деятельности ИАК.

Как справедливо отмечают авторы издания, в 1867 г., в год создания Туркестанского генерал-губернаторства, Археологическая комиссия направила в Среднюю Азию первую научную археологическую экспедицию под руковод-

ством П. И. Лерха для исследования руин древнего Джанкета. Но это было не инициативой ИАК, а вынужденным действием, вызванным давлением общественного мнения.

Первоисточником этих действий был рапорт коменданта форта № 1 (будущего города Казалинска) командующему войсками Оренбургского военного округа с сообщением, что местные «киргизы» добывают кирпич «из так называемых барханов, которые по осмотре оказались холмами из остатков разрушенных зданий, прежде бывшего неизвестного большого города; развалины которого занимают пространство в поперечнике до пяти верст» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 108. Л. 6, боб.).

Об этом случае Оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский сообщил военному министру Д. А. Милютину. Из стен Главного штаба сведения просочились в прессу, что инициировало оживленную дискуссию на страницах газет. Проблема привлекла внимание просвещенного общества, и Археологическая комиссия не могла игнорировать это обстоятельство. С. Г. Строганов 1 марта 1867 г. был вынужден направить письмо оренбургскому генерал-губернатору по вопросу Джанкета. В ответ генерал-губернатор обратился в ИАК с просьбой командировать сведущее лицо для исследования развалин, что и было поручено П. И. Лерху.

П. И. Лерх не был удовлетворен раскопками в Джанкенте, которые, по его словам, «не подавали надежды на какую-нибудь добычу». Судя по всему, он находился под влиянием С. Г. Строганова, не верившего в научное значение Джанкета, а потому с самого начала предусматривавшего иные цели поездки П. И. Лерха (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 108. Л. 1–2). И действительно, через месяц работы на Джанкенте были прекращены и П. И. Лерх отправился для осмотра «остатков древней населенности по Сыр-Дарье» (Лерх 1870: VII). Тем не менее, оренбургский генерал-губернатор обратился к Д. А. Милютину с предложением опубликовать отчеты по обследованию Джанкета в «Русском инвалиде» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 108. Л. 4–5). Получается, что мнение генерала о значении древнего памятника оказалось ближе в истине, нежели мнение Археологической комиссии.

Знаменитая Самаркандская экспедиция Н. И. Веселовского 1895–1897 гг., одна из наиболее масштабных и результативных научных миссий российских археологов XIX в. в Туркестане, организовывалась не по инициативе ИАК, а благодаря упорству шведского археолога и ориенталиста Фредерика Роберта Мартина, сумевшего внушить министру финансов С. Ю. Витте мысль о необходимости охраны уникальных памятников Средней Азии и добившегося выделения денег из фондов министерства финансов (Смирнов 2012: 703–712).

Как показатель отношения руководства ИАК к азиатским древностям можно рассматривать тот факт, что глава комиссии А. А. Бобринский впервые посетил Туркестан лишь в 1895 г., в год начала работы Туркестанского кружка любителей археологии. В своих дневниках граф уделил мало внимания собственно археологическим памятникам, анализу их научного значения, а какие-либо проекты будущих исследований и вовсе отсутствуют. А. А. Бобринский упомянул о своих встречах с Н. И. Веселовским на раскопках Афросиаба, но весьма кратко. Гораздо более председателя ИАК привлекла внешняя экзотика местной жизни, характер времяпрепровождения губернатора и т. п. (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 333. Л. 1–16).

Складывается впечатление, что члены императорской Археологической комиссии и привлекаемые ею ученые с большой неохотой отвлекались от своих традиционных занятий. Тот же Н. И. Веселовский воспринимал свои среднеазиатские вояжи как отягощающую обязанность, отвлекавшую его от исследования так им любимых причерноморских и донских курганов (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 423. Л. 12 об.).

Подобная, достаточно индифферентная, позиция ИАК явно проигрывает на фоне активной деятельности Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношении, который в начале XX в. стал главным научным центром и организатором археологических исследований в Русском и Восточном Туркестане. Его бюджет к 1914 г. достиг 100 тыс. руб., не считая специальных средств, выделяемых на наиболее важные и статусные экспедиции.

Следует отметить, что инициаторы создания комитета, главными из которых были академики В. В. Радлов и С. Ф. Ольденбург, в своих усилиях изначально не ориентировались на Археологическую комиссию, а искали поддержки в иных ведомствах империи. Формально ИАК сообщила, что не видит препятствий к созданию комитета, но Министерство императорского двора посчитало «прошение гг. Радлова и Ольденбурга подлежащим отклонению» (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1301. 1899 г. Л. 14–14 об.). Надо думать, академики предвидели такое решение МИДв. В подобном контексте симптоматично, что именно В. В. Радлов, как глава Русского комитета, приложил много сил, чтобы продолжить начатое директором Читинского музея А. К. Кузнецовым дело по охране памятников археологии при строительстве сибирских железнодорожных путей.

Несомненно, скромный штат Археологической комиссии и ограниченность в средствах, о чем уже неоднократно упоминалось, были серьезными препятствиями для организации археологических исследований на новых территориях. Но все же трудно согласиться с однозначным утверждением авторов монографии, что «во время постепенного присоединения территории региона к Российской империи во второй половине XIX в., инициатива и финансирование исследований архитектурных и археологических памятников в Русском Туркестане принадлежало ИАК» (с. 811).

Затронутыми выше вопросами, касающимися деятельности императорской Археологической комиссии, далеко не исчерпываются темы возможных дискуссий о роли ИАК в развитии археологической науки и становлении системы охраны памятников в дореволюционной России. Но этот факт нельзя воспринимать как неудачу авторов рецензируемой монографии. Это лишь следствие масштабности поднятой темы. История деятельности комиссии тесно связана с историей археологической науки в России в целом, что исключает возможность подготовить публикацию, раскрывающую во всех деталях, с однозначной интерпретацией, все перипетии этого чрезвычайно сложного процесса.

Хочется верить, что увидевшая свет коллективная монография «Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания» послужит побудительным примером для создания близких по задачам, объему публикуемых источников и сведений монографических исследований по истории иных археологических институций России.

Литература

- Лерх П.* 1870. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXX. 1855. Дополнения к XXVII тому за 1852 г. № 26650. СПб., 1856а.
- ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXX. Дополнения. СПб., 1856б.
- ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXVIII. Отд. I. № 27389. СПб., 1854.
- ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXI. Отд. 1. № 31166. СПб., 1857.
- ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIV. От. I. 1859. №34109. СПб., 1859.
- ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVII. Отд. 1. № 37952. СПб., 1865.
- Смирнов А. С.* 2011. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века). М.: ИА РАН.
- Смирнов А. С.* 2013. Третейский суд о Томском могильнике // Вестник Томского государственного университета 369.
- Смирнов А. С.* 2012. Ф. Р. Мартин и организация Самаркандской экспедиции Н. И. Веселовского в 1895 г. // РАЕ 2, 703–712.